

Когда Ли Маосянь с сыновьями вернулись из уезда, так и не продав ту шкатулку-головоломку, Госпожа Чэнь долго сокрушалась. Как-никак, речь шла о целых восьми лянх серебра — на эти деньги можно было гору зерна купить!

Но сокрушалась она лишь про себя: в доме всё решал Ли Маосянь, и раз муж рассудил иначе, она не смела перечить. К тому же вскоре семья начала зарабатывать на варке сахара, и мысли о неудавшейся продаже постепенно сошли на нет.

И вот теперь, когда об этой затее почти забыли, старший сын вернулся домой с целым состоянием.

— Сын... — Голос Госпожи Чэнь слегка дрогнул. — Сколько же здесь всего?

— За шкатулку выручил пятьдесят лянов, — отозвался Ли Цинжуй. — По пути потратил восемьдесят с лишним вэней на лекаря для дяди Маоцюня, а остальное — вот оно, всё здесь.

Договорив, он обернулся к младшему брату:

— Сынок, отец в письме писал, что это твоих рук дело. Неужто правда?

Ли Цинвэнь и сам был поражен такой сумме, но всё же ответил:

— Я просто увидел это во сне и повторил один в один. Пустяковая затея, мне просто повезло.

Ли Цинжуй весело рассмеялся:

— Скромн ты, брат, ох как скромн! Видел бы ты того богатея, что купил игру — он просто не мог нахвалиться! Всё твердил, как тонко и искусно всё придумано, и выпрашивал, чьих рук это мастерство.

Ли Цинвэнь почувствовал легкий укол совести.

— Если бы он узнал правду, то наверняка бы разочаровался. Я и сам не ведаю, какой гений на самом деле изобрел эту игру.

Ли Цинжуй легонько коснулся мочки уха младшего брата, и его улыбка стала еще теплее:

— Мне всё равно, что там думают другие. Для меня наш Сынок — самый смысленный на свете.

Почувствовав искреннюю заботу брата, Ли Цинвэнь лишь безмолвно и счастливо улыбнулся в ответ.

Остальные домочадцы, затаив дыхание, продолжали во все глаза глядеть на серебряные слитки. Боги, да ведь это настоящее серебро! Раньше им доводилось видеть разве что мелкие обломки тусклого металла низшей пробы, но такие ровные, чистые слитки — впервые в жизни.

Кто бы мог подумать, что простая деревянная рамка с несколькими плашками может стоять таких баснословных денег!

Ли Цинъюнь и Фу Чуань, вовсе не знавшие о затее со шкатулкой, и вовсе замерли, ослепленные блеском драгоценного металла. Им казалось, что они видят сон.

Заметив оцепенение родных, Ли Цинжуй пояснил:

— Получив письмо от отца, я первым делом разузнал всё, о чем он просил. В лавки заходить не стал — знал, что обманут. В окружной столице полно праздных сынков из богатых семей, которые души не чают в подобных диковинках. Поспрашивал людей, нашел одного молодого господина, о котором шла добрая слава, и пришел к нему. Стоило ему взглянуть на игру, как глаза загорелись. Я наудачу назвал цену в пятьдесят лянов, а он, не раздумывая, велел слугам вынести деньги.

Всё прошло куда удачнее, чем они смели надеяться. На самом деле, когда Ли Цинжуй впервые взял в руки это серебро, его сердце тоже готово было выпрыгнуть из груди. Лишь по прошествии времени он сумел совладать с чувствами и теперь выглядел спокойнее остальных.

Госпожа Цзян, баюкая младшего сына, не могла скрыть радостной улыбки:

— Наш Сынок и впрямь золотая рыбка, приносящая удачу. С тех пор как он пришел в себя, добрые вести в нашем доме не переводятся.

— Истинно так! — Госпожа Чэнь хлопнула себя по колену, полностью соглашаясь со снохой.

Ли Цинхун, не в силах больше сдерживаться, похвастался перед старшим братом:

— Да что там шкатулка! Ты бы видел, какой сахар наш Сынок варит! Брат, ты ни за что не поверишь, сколько сладостей можно получить из простых сорговых стеблей!

Настал черед Ли Цинжуя изумляться — о таком он даже помыслить не мог.

Ли Цинфэн спрыгнул с кана и вскоре вернулся с большим блюдом. На одной его половине горой возвышались ровные брусочки шацимы, а на другой атели рулеты из боярышника.

Ли Чжэнлян проворно подполз к отцу и, подхватив кусок шацимы, сунул ему прямо в рот:

— Папа, попробуй скорее! Это младший дядя приготовил, вкуснятина невозможная!

Мальчишка прекрасно помнил предупреждение матери: мол, как только отец вернется, он узнает о всех твоих проказах за полгода. Чтобы спасти свою спину от знакомства с отцовской ладонью, Лян-лян из кожи вон лез, стараясь угодить.

Госпожа Чэнь тем временем протянула угощение дочери и зятю — от радости она едва не позабыла о приличиях.

Семья Фу занималась не только землей, но и ткачеством, так что жили они чуть справнее, чем Ли, но всё же оставались простыми крестьянами. Фу Чуань, человек бесхитростный и добрый, всегда отдавал лучшее детям и старикам, и сам почти не пробовал дорогих сладостей.

Когда ему в руки сунули сразу несколько кусков шацимы, он осторожно взял один своими мозолистыми пальцами и откусил. Тесто оказалось хрупким, тающим во рту и необычайно сладким. От удовольствия Фу Чуань невольно зажмурился.

Но Ли Цинжуня куда больше занимала весть о сахаре из сорго. Быстро расправившись с угощением, он принялся расспрашивать домашних. Ли Маосянь не успел и слова вставить — Ли Цинхун и Ли Цинфэн наперебой принялись рассказывать о чудесном превращении стеблей в патоку.

Слушая их, Ли Цинжунь лишь диву давался.

Маленький Ли Чжэнмин, который давно не видел отца, поначалу робко жался к матери. Но теперь он понемногу высунул голову, протянул отцу зажатый в кулачке леденец в форме панды и едва слышно пролепетал:

— Папа...

— Славный мой сынок! — Ли Цинжунь крепко прижал к себе малыша, погладив его по голове. Взяв леденец, он с удивлением оглядел его и цокнул языком: — Надо же, будто живой нарисован.

С этими словами он отправил сладость прямым в рот.

Ли Чжэнмин, глядя, как прелестный мишка исчезает во рту отца, обиженно надул губы.

Для Ли Цинжуя узорчатые леденцы были лишь забавной диковиной, куда важнее была сорговая патока — ведь она могла принести пользу всей округе.

Не успел он задать очередной вопрос, как в дом пожаловали гости — люди незнакомые, явно из дальней деревни. Ли Маосяню пришлось идти встречать их, а Ли Цинвэнь вместе с сестрой и зятем перебрались в западную комнату.

Едва одни гости присели, как на пороге показались другие — на сей раз их привел староста Го Дацюань. Визитеры сменяли друг друга один за другим, и Ли Цинъюнь с Ли Цинжунем только успевали качать головами от изумления.

— Эх, будь сейчас второй брат дома, вся семья была бы в сборе! — не удержался Ли Цинхун. — Он мне недавно говорил, что очень по сестре скучает... Может, мне завтра съездить в уезд и привезти его?

Идея всем пришлась по душе, но Госпожа Чэнь засомневалась: Ли Цинчжо всё-таки служил в лавке, и негоже было срываться с места без веской причины — в делах должен быть порядок.

— Не стоит отрывать Чжо-эра от работы, — рассудила Ли Цинъюнь. — Мы на обратном пути сами заглянем в уезд, там и повидаемся.

В семье Ли и стар и млад привыкли относиться к любому делу со всей серьезностью, будь то свои заботы или чужие. Как бы им ни хотелось собраться всем вместе, они не могли позволить себе причинить неудобства хозяину лавки.

Сумерки уже начали сгущаться, а гости всё не расходились. Наконец вернулся человек, которого Госпожа Чэнь просила купить провизии. В руках он нес увесистый сверток со свежей свининой.

— Надо же, и сын вернулся, и дочка с зятем! Не зря, видать, ты столько мяса набрала, — с улыбкой заметил односельчанин.

Госпожа Чэнь из вежливости позвала его к столу, но тот лишь замахал руками:

— Что вы, вы столько времени не виделись, вам есть о чем потолковать. Не стану мешать, в другой раз загляну.

Время поджимало, нужно было готовить ужин. Ли Цинфэн тут же вставил:

— Мама, пусть мясо Сынок готовит. У него вкуснее получается.

Хоть в прошлый раз от целой курицы за мгновение осталась лишь грудка костей, домочадцы так полюбили приготовленное младшим братом мясо, что до сих пор вспоминали его с придыханием.

Госпожа Чэнь в шутку возмутилась:

— Ах ты, негодник! Неужто моя стряпня тебе не по нраву?

— Мама готовит знатно, но у Ли Цинвэня — еще вкуснее! — ничуть не смутился Ли Цинфэн.

Ли Цинвэнь сам вызвался помочь:

— Я приготовлю, мама. Вы со снохой и так целыми днями у плиты хлопчете, хоть сегодня отдохните.

— Какой же он у меня заботливый! — сердце Госпожи Чэнь наполнилось нежностью, и она расплылась в улыбке.

Госпожа Цзян тоже не скрывала предвкушения:

— Уж на этот раз я постараюсь всё запомнить и научиться.

Ли Цинвэнь спрыгнул с кана и принялся мыть руки. Ли Цинфэн ходил за ним по пятам, точно тень:

— Сынок, ты только сахара в мясо не забудь добавить, ладно?

Ли Цинвэнь со смехом кивнул.

Мясо было отменным: один кусок — чистая вырезка, другой — с хорошей прослойкой жира. Ли Цинвэнь нарезал постную свинину тонкой соломкой, а остальное — аккуратными кубиками. Следом он разбил два яйца, отделив белки для мяса, а желтки слил в отдельную миску.

Госпожа Цзян внимательно наблюдала за каждым движением, стараясь примечать все тонкости. Рецепт «Хуншаожоу» — тушеной свинины — был схож с приготовлением курицы, так что она быстро схватила суть.

Помимо соли и соевого соуса, в доме была большая кадка с бобовой пастой. Её готовила одна местная мастерица, чей род издавна славился этим искусством. Её паста, приготовленная из отборных бобов и соли, была куда ароматнее покупной, и вся деревня меняла зерно на её снадобье — одной такой кадки семье хватало на целый год.

В семье Ли любили вкус понасыщеннее, так что кадка глубиной в половину человеческого роста уже почти опустела. Смешав остатки пасты с сорговой патокой, Ли Цинвэнь обжарил в этой смеси мясную соломку. Пряный, густой аромат мгновенно заполнил кухню и поплыл по

комнатам.

Когда «Хуншаожоу» и упрощенная свинина в пекинском соусе были готовы, Ли Цинвэнь напоследок быстро пожарил яйца.

Гости в восточной комнате, почуяв дивный запах, спохватились и поняли, что засиделись. Поспешно распрощавшись, они двинулись к выходу. Ли Маосянь проводил их до ворот, а когда вернулся, стол уже был накрыт.

Ли Цинъюнь обняла брата за плечи:

— Отведать стряпни младшего брата — такая честь! Боюсь, другие сестры в округе от зависти лопнут.

Ли Цинвэнь улыбнулся:

— Если старшей сестре по вкусу, оставайся у нас подольше. Приготовлю всё, что пожелаете.

Ли Цинъюнь радостно рассмеялась, хотя в уголках её глаз предательски блеснули слезы.

В государстве Великая Лян испокон веков считалось, что мужчина — хозяин в поле, а женщина — у очага. Мужчины редко брались за готовку, но мастерство Ли Цинвэня было столь необычным, что семья видела в этом лишь еще одно подтверждение его чудесного исцеления.

Все дружно уселись за стол и потянулись за палочками. Блестящие от соуса кусочки тушеной свинины и ароматная мясная соломка пришлись по вкусу абсолютно всем. Хвалебные возгласы не смолкали, пока блюда не опустели дочи́ста — не осталось даже капли подливки.

Госпожа Чэнь тоже осталась довольна, хотя в глубине души немного вздохнула по опустевшему кувшину с маслом.

Маленький Ли Чжэнлянь, потирая круглый, сытый животик, вцепился в руку Ли Цинвэня:

— Младший дядя, а завтра еще приготовишь?

Госпожа Цзян со смехом потянула сына к себе:

— Живо спать! Во сне ешь, сколько влезет.

Ли Чжэнлянь надулся и не выпускал руку дяди. Он знал — слово младшего дяди в этом доме значит куда больше, чем его капризы. Если дядя пообещает, завтра на столе снова будет

вкусное мясо!

Раньше Ли Цинвэнь, как бы ни жалел племянников, ничего не мог поделать, но теперь, когда в доме завелись деньги, всё изменилось. Нащупав под ладонью худенькое запястье мальчишки, он мягко произнес:

— Завтра младший дядя снова ходит в уезд за мясом.

Ли Чжэнлянь восторженно завопил и, подхватив младшего брата, закружил его по комнате. Ли Чжэнмин, напуганный такой бурной радостью, замер, а когда брат его отпустил, плюхнулся на пол.

От боли в мягком месте малыш уже готов был расплакаться, но Ли Чжэнлянь тут же пригрозил:

— Не реви! А то завтра мясо не получишь!

Слезы Ли Чжэнмина мгновенно высохли, так и оставшись дрожать в уголках глаз.

Госпожа Цзянь обернулась к мужу:

— Видишь? Вот такой он у тебя задира.

Ли Чжэнлянь, почуяв неладное, мигом подхватил брата с пола и принялся неумело утирать ему слезы, пытаясь утешить. Глядя на эту забавную возню, все домочадцы не смогли удержаться от доброго смеха.

<http://bllate.org/book/15828/1435192>